

Из месяца в месяц

АНГЛИЯ

ФИЛОСОФСКАЯ ПРИТЧА АЙРИС МЕРДОК

Айрис Мердок неоднократно заявляла, что одной из бед романа XX века является чрезмерный аллегоризм, чрезмерная «сухость». В своих собственных романах она, как известно, стремится избежать и того и другого. В романах, но не в пьесах — судя по многочисленным рецензиям, появившимся в английской печати, новой пьесе писательницы «Три стрелы» как раз и свойственны сухость и аллегоризм. Хотя далеко не все рецензенты считают эти свойства недостатком пьесы.

«Три стрелы» представляют собой по жанру философскую притчу. Действие ее происходит в средневековой Японии. В одном из помещений императорского дворца вот уже в течение пяти лет содержится в качестве политического заключенного принц Еремицу — романтически настроенный молодой человек, смело выступавший против тирании императорской власти и завоевавший, благодаря этому, неслыханную популярность у народных масс.

Поначалу, замечает автор статьи в газете «Санди таймс», может показаться, что тот напряженный интерес, с которым смотрится

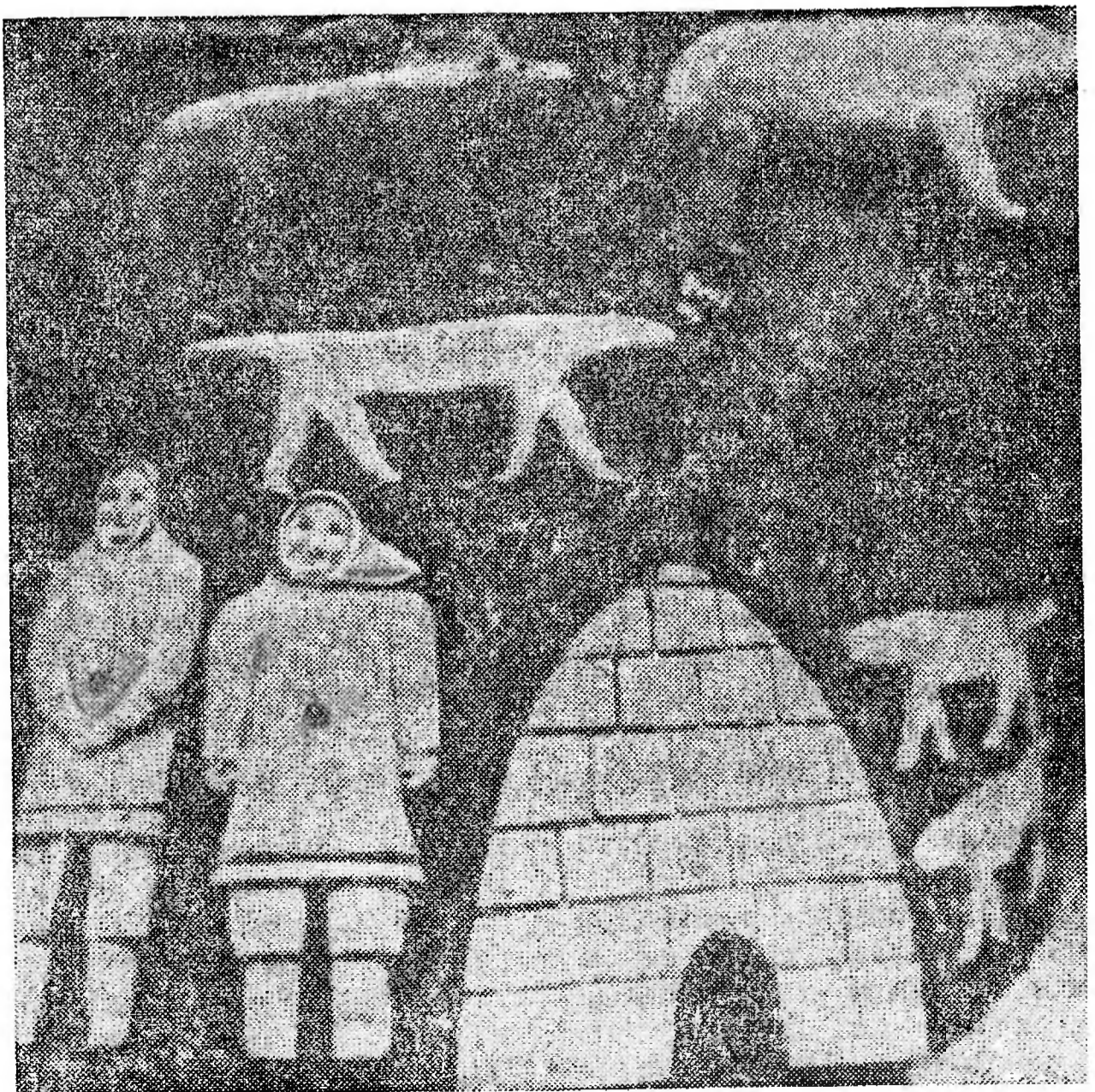
пьеса, вызван самой сюжетной конструкцией: удастся или не удастся принцу бежать. Вскоре, однако, начинаешь понимать, что главным для писательницы являются не мелодраматические перипетии сюжета, а философский вопрос: что есть свобода? Другое дело,

продолжает тот же рецензент, что ясного ответа на этот вопрос писательница так и не дала.

...К исходу пятого года заточения начинающему уже впадать в отчаяние принцу предоставляется, наконец, возможность покинуть свою, хоть и комфор-

В Музее человечества (отделение Британского музея) состоялась выставка эскимосского искусства: на снимке некоторые из 570 экспонатов.

(Газета «Морнинг стар»)

табельную, но все же таблицу. Даже не одна, а три возможности. Первая — удалиться в монастырь и там провести остаток своей жизни. Вторая — возглавить народное восстание против императора. И, наконец, третья — жениться на императорской дочери.

Еремицу выбирает третий вариант — он уже давно и беззаветно любит принцессу, — хоть и понимает, что женитьба на ней означает конец его политической деятельности.

Однако, как выясняется, выбор третьего варианта сопряжен с еще одним, последующим выбором. Соискателям руки императорской дочери предлагается взять одну из трех стрел, чтобы выстрелить ею в мишень. Если мишень при этом становится зеленой, значит, выбор сделан правильно; мишень, в которую попала стрела, окрашивается красным, и в этом случае тот, кому не повезло, обязан покончить с собой...

Пьеса заканчивается трагически: принц не сумел сделать правильный выбор, и хоть император после этого дарует ему долгожданную свободу, все, в том числе и сам Еремицу, понимают, что обретенная им свобода сопряжена с бесчестьем. Принцесса в отчаянии кончает с собой.

Рецензенты отмечают, что при всей прозрачности многих из содержащихся в пьесе аллегорий (например, стрелы, оперенные перьями сокола, лебедя и голубя, обозначают соответственно политику, религию и романтическую любовь) Мердок не дает однозначного решения поставленных в ее пьесе философских проблем. Несомненно, однако, замечает один из рецензентов, что писательница считает главной трагической ошибкой героя само его согласие на унизительную процедуру.

Впрочем, своего рода «выбор» пьеса, видимо, предоставляет и пишущим о ней. Так, например, в одной из рецензий указывается, что истинной темой пьесы является не философская проблема выбора, а «воп-

рос об ответственности и коррупции властей, а также рождение настоящей любви в атмосфере тотального цинизма».

Если не считать инсценировок и автоинсценировок ее романов, «Три стрелы» — вторая пьеса Мердок (первая ее пьеса «Слуги и снег» была показана в Лондоне около трех лет назад). Писательница, однако, не считает себя драматургом. «Я могу придумать сюжет, могу написать диалоги, — заявила она в интервью, данном ею по случаю премьеры «Трех стрел», — но это еще не означает, что я драматург... Разница между процессом создания романов и пьес несколько напоминает различие между масляной и акварельной живописью. Работая над романом, можно позволить себе некоторую неупорядоченность, здесь углубить, там высветлить, изменять характеры. Когда же имеешь дело с пьесой, необходимо сразу же набросать ее точную схему и придерживаться ее...»

«ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ С АНГЛИЕЙ?»

Внимание английской театральной публики и критики привлекла новая пьеса известного английского драматурга Джона Осборна, название которой можно было бы перевести как «Чувство отрешенности или независимости». В этой пьесе Осборна поставил проблемы ответственности писателя перед обществом и взаимоотношений писателя, общества и театра. Как пишет американская газета «Интернэшнл геральд трибюн», Осборна спрашивает в ней: «Что же происходит с Англией?» — и отвечает: «Все». По мнению критики, драматург высказывает в пьесе свое недовольство всем — и писателями, и обществом, и театром, и публикой. Как указывает пресса, Осборн высмеивает все современные театральные течения. На сцене располагаются семь актеров, кото-

рые спорят на самые разные темы и поют пародийные куплеты. В публике сидят другие актеры, которые пародируют различные типы зрителей. Пьеса, по мнению рецензента газеты «Интернэшнл геральд трибюн», написана с присущим Осборну мастерством, и несмотря на то, что не все зрители до конца выдерживают поток насмешек и обвинений, большинство оставшихся аплодирует автору, актерам и режиссеру постановки Джонатану Хейлзу.

АРГЕНТИНА

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ НАРКОМАНИЯ

«...Стремление хозяев аргентинского телевидения к обогащению и только к обогащению, — пишет газета Чилийской коммунистической партии «Сигло», — приводит к тому, что аргентинское телевидение находится в состоянии полной деградации, что вызывает сильное недовольство общественности». Правительство оказалось вынужденным создать специальную техническую комиссию по проблемам радио и телевидения, поставив перед ней задачу — воспрепятствовать проникновению низкопробных и аморальных программ на голубой экран и в эфир.

И тем не менее, как пишет аргентинский романист Мануэль Пуиг, «состояние телевидения в нашей стране более чем мрачно. Программы прославляют культ насилия...» «Продажа наркотиков наказуема, — вторит ему аргентинский писатель Эрнесто Сабато, — однако никто не препятствует ежедневному проникновению в широкие массы этого гораздо более утонченного и сильного наркотика, вредно влияющего на всю нацию, чем являются наши телепередачи».

По мнению аргентинской романистки Марты Линч,